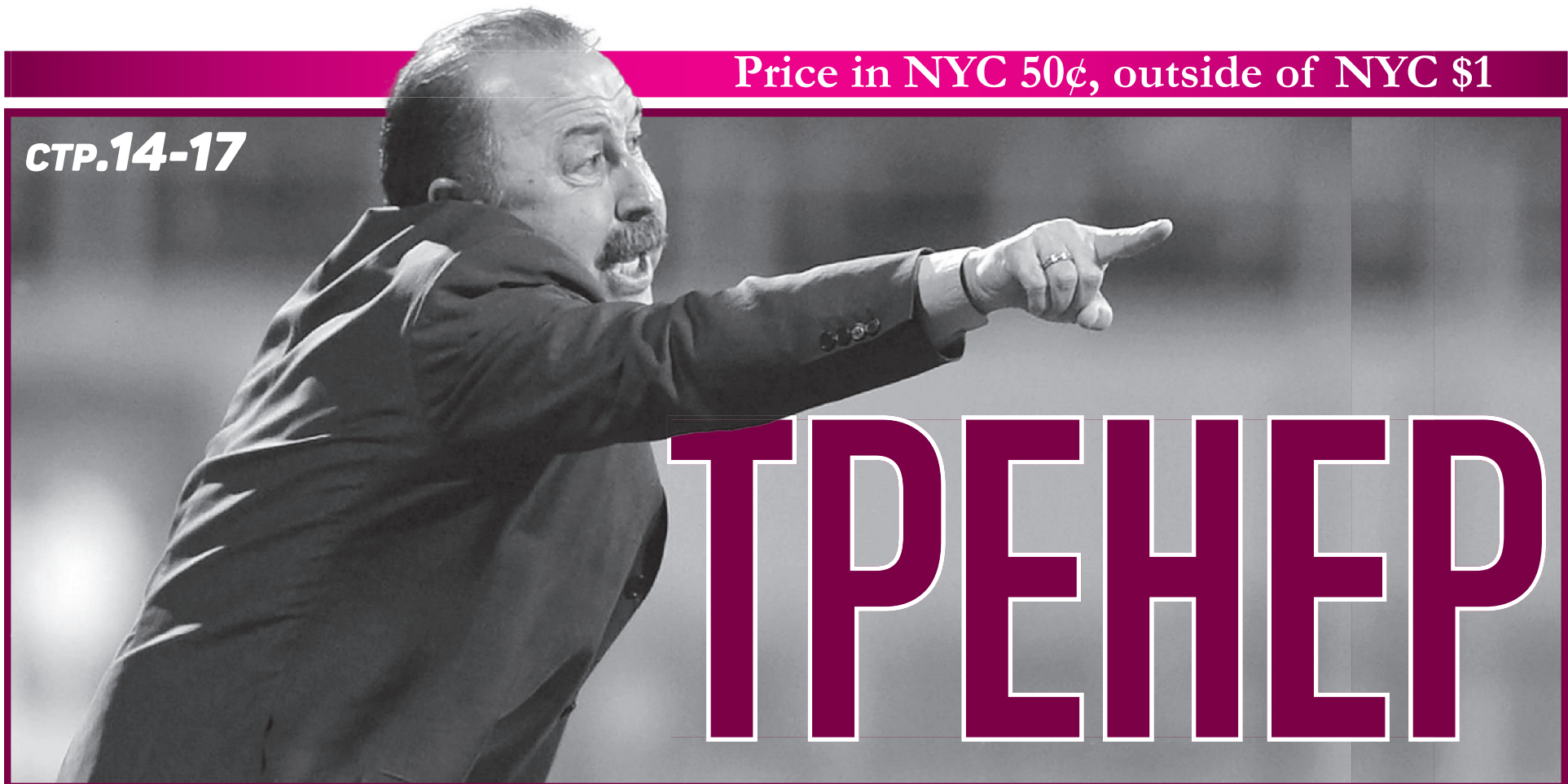

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР.14-17

ТРЕНЕР

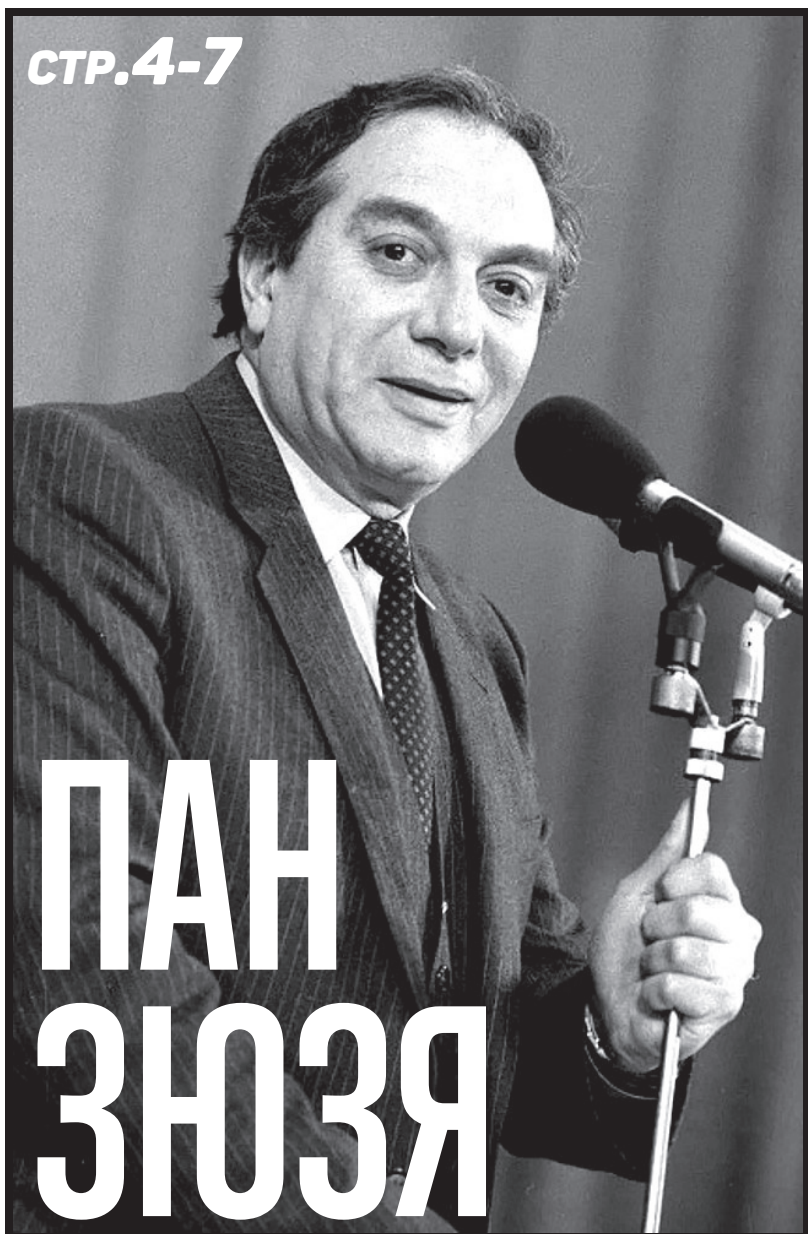

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№31 (216)
ИЮЛЬ 2024

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

СТР.4-7

ПАН ЗЮЗЯ

СТР.8-11

Я ПРОДОЛЖАЮСЬ!

ПАН ЗЮЗЯ

С зеленым крокодилом

Геннадий Норд

Старшее поколение телезрителей прекрасно помнит Зиновия Высоковского - пана Зюзю из «Кабачка «13 стульев» и «Люлька» из «Тимирязисского» вытрезвителя.

Заядлые театралы знают его по работам в московском Театре миниатюр и Театре сатиры, где актер служил в течение 21 года и откуда он ушел в свободный полет на эстраду, в кино и на телевидение.

Мне повезло побывать на нескольких его спектаклях. Да и пообщаться довелось.

Помимо своих многочисленных театральнo-эстрадных талантов, Зиновий Высоковский обладал редким даром – он был человеком с абсолютным чувством юмора. На любой вопрос у него обязательно была в записке прикольная история. А рассказчик он был изумительный.

Вон отрывки из нескольких бесед с ним:

- Традиционно давай начнем с детства.

- Давай! Как я говорю в таких случаях, детство моего поколения оборвано войной, а старость... перестройкой. Я родился в городе Таганроге на берегу Азовского моря, причем, в один день с Фридрихом Энгельсом, правда, чуток попозже его - в 1932 году. Но прожил там недолго: началась война.

В октябре 1941-го нас эвакуировали в Грузию. Помню, мы выезжали из города последним составом, над нашим эшелонem кружили «Мессершмитты» и в вагонах плакали дети. Старый грузин, единственный проводник на весь состав, с улыбкой успокаивал нас:

- Не надо бояться. Дети, видите, на их «Мессершмиттах» кресты нарисованы. Кто сам на себе крест поставил, тот не жилец.

- Что больше всего запомнилось в эвакуации?

- Кавказ принял нас всех, не спрашивая национальности. Недаром гласит пословица:

«Не та кровь объединяет, что течет в жилах, а та, что течет из жил».

В школе нас учили наукам, а на школьном дворе седой сторож дедушка Шалва, который подкармливал нас, эвакуированных мальчишек, кукурузными лепешками, преподавал нам народную мудрость:

- Дети! Слушайте и запоминайте... Вот моя рука. Кто скажет, зачем на ней пять пальцев? Чтобы эта рука всегда работала за пятерых. А теперь кто скажет, зачем между пальцами дырочки? Чтобы в эти дырочки деньги пролетали! Будьте

всегда щедрыми, дети, все отдавайте людям! Все, что отдал – твое, что не отдал – то пропало.

Я запомнил это на всю жизнь.

После войны я вернулся в родной Таганрог, неожиданно для всех окончил школу имени А. П. Чехова с золотой медалью и решил поехать в Москву поступать в театральное великое Щукинское училище.

А в Москве у меня никого не было – ни родных, ни знакомых. Мой папа, главный бухгалтер кирпичного завода в Таганроге, тяжело вздыхая, говорил маме:

- Ребенок с золотой медалью уходит в босяки. И откуда это у него? В нашей семье никогда не было ни босяков, ни шаромыжников, ни артистов.

Тем не менее, прихватив с собой золотую медаль, белые парусиновые брюки и стихотворение Маяковского «Вызов», я приехал в столицу.

- Медаль помогла?

- Только отчасти. Она давала мне право сдавать только творческий конкурс. Я удачно прошел прослушивание с последующим «немедленным» зачислением в стены театрального, заверенным первым ректором училища Борисом Евгеньевичем Захавой, и в Таганрог вернулся героем.

Однако через два месяца я получил телеграмму с отказом в утверждении моей кандидатуры. Причину отказа не назвали, а чуть позже все выяснилось: шел сентябрь 1952 года и в Москве начало раскручиваться «дело врачей».

Только через пять лет, уже имея диплом о высшем техническом образовании, я снова поехал в Москву в «Щуку» к великому Захаве, который, как он мне потом сказал, «все это время ждал меня как ни в чем неповинного талантливого абитуриента». Став второй раз студентом театрального училища, я сказал себе:

- Я сделал главное - я догнал свой поезд.

В фильме «Живые и мертвые»

- Курс у тебя был интересный – Людмила Максакова, Александр Збруев, Александр Белявский, Иван Бортник...

- У нас был хороший, нормальный... пьющий курс, мы ничего не понимали в профессии. И в том, что я, как и многие мои сокурсники, в итоге стали народными артистами, - это заслуга училища, его ректора и нашего уважаемого и любимого всеми нами педагога Владимира Этуша.

- Что значит – «пьющий курс»?

- Ну как тебе сказать... Например, однажды произошел такой случай. В «Щуке» была военная кафедра, и летом после третьего курса студентов отправляли на военные сборы в Алабино. В столовой училища устроили проводы, на которых водки было выпито немерено. Напоследок хор нетрезвых студентов затянул «Как родная меня мать провожала». Испортил песню военрук Собачкин:

- Стоять! Смирно! Высоковский, собрать бутылки!

И тут появился Борис Евгеньевич Захава. Выслушав доклад военрука о том, что «группа пьяниц напилась в доску, а до Алабино - три с половиной часа езды на грузовике», ректор выдержал паузу и сказал:

- Ну что ж, за это время они как раз и протрезвеют.

- Когда режиссера Анджее Вайду спросили, в чем секрет успеха его фильмов, он ответил:

- Когда я начинаю снимать, то даю себе задачу переплюнуть Чарли Чаплина.

У тебя, как у актера, была такая высокая планка?

- Я всю жизнь мечтал походить на Райкина. Не подражать, не копировать, а именно походить. Это началось с детства. Уже закончилась война, это был 1945-й или 1946-й год, когда в Тбилиси приехал Аркадий Исаакович. Родители взяли меня на концерт, и я увидел его первый раз в жизни. Помню, он пел:

Живет он в Ленинграде,
зовут его Аркадий,
иль попросту Аркаша,
иль Райкин, наконец.

Я с детства был шутком, клоуном. Но именно тогда интуитивно понял: это то, к чему я хочу стремиться.

- Повезло встретиться с Аркадием Исааковичем?

- Первый раз, если не ошибаюсь, дело было в 1964-м. Мы с Юрой Яковлевым, который в то время был зятем Райкина, ехали в «Стреле» из Москвы в Ленинград на съемки фильма «Друзья и годы». Оказалось, что он едет в одном купе с Райкиным. Он нас и познакомил.

Увидев Аркадия Исааковича живьем и так близко, я просто онемел. Смотрел

Пан Зюзя (слева) в «Кабачке 13 стульев»

на него во все глаза, внимал каждому его слову. А Юра Яковлев мне показывает жестами: мол, пора в вагон-ресторан - выпить... И так мы потихонечку всей компанией вышли в коридор, продолжаем беседовать. А навстречу идет какой-то толстяк. Он приблизился к Райкину, прижал его к окну своим животом.

И в этот момент он его узнал и замер, как вкопанный...

Приходим с Юрой потом в вагон-ресторан и видим нашего толстяка. А тот уже поддал и всю хвалится:

- Здесь рядом сам Райкин едет - вдупель пьяный. Наверняка от жены сбежал. Я говорю:

- Как не стыдно! Зачем вы врете?

А толстяк:

- О, вот свидетель!

Самое потрясающее, что все присутствующие говорили:

- Вот Райкин молодец!

То есть им понравилось, что он «свой» мужик – «напился вдупель и от жены сбежал». Это был для них лучший подвиг.

В 1976 году мы с Райкиным вместе выступали на одном полузакрытом правительственном концерте. Помню, мой «Люлек» прошел на ура, мне было даже оказано повышенное внимание со стороны членов Политбюро. И на обратном пути (мы ехали в одной машине) Райкин мне говорит:

- Чего вы торчите в этом Театре Сатиры? Идите ко мне.

Я сказал:

- Аркадий Исаакович, когда я смотрю ваши спектакли, то, если вы хоть на минуту уходите со сцены, мне сразу становится скучно. А если я буду на сцене с вами, и вы уйдете, то мне будет скучно от самого себя.

Была большая пауза. И Райкин говорит:

- Уходить я не собираюсь.

Когда мы прощались, я попросил его подарить мне свою фотографию с автографом. Через неделю звонит его первый артист Владимир Ляховицкий:

- У меня для тебя небывалый подарок, такого еще никто не видел и не читал.

Вскоре получаю от него конверт с фотографией Райкина и надписью:

«Зямошке, моему собрату, с симпатией. 17 октября 1976 года».

Тогда я понял, что «коронован».

- Райкин дружил с Утёсовым. А ты с Леонидом Осиповичем встречался?

- А как же! Вот у кого колоссальное чувство юмора было и обалденная находчивость!

Помню такую историю: Утёсову долго не давали звание заслуженного артиста. И вот идет его эстрадное представление «Царевна Несмеяна». Герою не удалось рассмешить царевну, и ему отрубают голову. Он положил голову на плаху, палач занес топор. И тут кто-то из зала крикнул:

- Какая незаслуженная смерть!

Утёсов тут же поднялся с колен и ответил:

- Какой артист, такая и смерть.

- Что было после окончания училища?

- В 1961 году я окончил театральное училище имени Щукина и меня взяли на работу в Московский Театр миниатюр в саду «Эрмитаж», что рядом с Большим Каретным. Среди моих новых друзей был коренастый, крепко сбитый парень с гитарой. В 1962 году Владимиру Высоцкому было 24 года, и никто не предполагал тогда, что именно он скажет от всех нас, за всех нас, про всех нас так, как никто другой.

Высоцкий был разным человеком. Разным. Помню один эпизод. Это были по-

Команда «Кабачка...»

Татьяна Ивановна Пельтцер

Окончание. Начало на с.5

студенческие годы. Мы с женой Любаней снимали углы. Вечное безденежье, вечное веселье, когда три рубля были каким-то верхом блаженства: можно было скинуться и купить водки, пельменей и созвать друзей. Раньше так и было: душа безмятежна, гости, веселье. Любаня - вечный борец с «этим» делом.

И вот у нее - день рождения. Накопив со всех халтур, я купил ей белое летнее пальто с вензелем «Л.В.» - Любаня Высокоская. Мы пошли с ней в ресторан «Араги», отметили как надо... Выходим, а на улице июльский дождь. Ловим такси. И вот, проезжая по улице Горького, видим, как из ресторана Дома актера выводят Володю. И Любаня - неистовый враг пьянства - вдруг говорит:

- Останови машину!

Видим: Володю ведут какие-то люди, они приблизительно в таком же состоянии, как он. Они его поднимают - он падает, они его снова поднимают - он опять падает. Для меня в те времена это было в порядке вещей... И я говорю:

- Да поехали, они сами разберутся!

Но Любаня в своем новом белоснежном пальто вышла в дождь, посадила Володю в машину, и мы поехали к нам. Пропались, потом опохмелились. После этого случая он испытывал к моей жене какое-то трогательное чувство, какую-то нежность, а мне говорил:

- А ты ведь меня брать в машину не хотел - пальто белое испачкать боялся!

Даже через десять лет после того случая он припоминал мне это белое пальто:

- А я всё помню - я был не пьяный...

- Итак, Театр миниатюр.

- Да! Человек, который стал моим вторым отцом, - это художественный руководитель этого театра, один из авторов сценария прославленного фильма «Карнавальная ночь» и автор до 1959 года почти всех спектаклей и монологов Аркадия Райкина - Владимир Поляков.

У Полякова было хобби - он влюблялся, причем, каждый раз женился, строил женам квартиры и... разводился. О По-

лякове по Москве ходила байка Никиты Богословского:

- Давно вы видели Полякова?

- Три жены тому назад.

Я спрашивал его:

- Владимир Соломонович, зачем нужно обязательно регистрироваться в загсе?

Он отвечал:

- Вот вы, Зямочка, любите водку, а я люблю загс.

У последней супруги Полякова отчим был негр. На свадьбе я сказал Богословскому:

- Как вы думаете, что сейчас будет строить Поляков?

И сам ответил:

- Хижину дяди Тома.

Но Богословский меня переплюнул. Поляков подарил всем гостям на свадьбе прекрасные подарки, а своей супруге - гранатовый браслет. По этому поводу Богословский сымпровизировал:

- Жених стал бросаться ручными гранатами.

Поляков по праву принадлежал к элите того времени и мог позволить себе шить костюмы у великого портного Исаака Шафрана.

О Шафране рассказывали легенды. Однажды секретарь райкома партии Шандыбайло пришел к нему шить костюм:

- Плечи подбейте ватой, рукава сделайте длинные, брюки - чтобы закрывали туфли... Через месяц будет готово?

- Через месяц? Завтра заберете это говно, - обиженно молвил Исаак Шафран.

А вот костюм для Полякова он шил очень долго. На очередной примерке тот не выдержал:

- Бог сотворил мир за 6 дней, а вы месяц мне шьете брюки.

Шафран невозмутимо ответил:

- Так вы посмотрите на этот мир и посмотрите на эти брюки.

- Как ты стал «паном Зюзей»?

- В Театр сатиры я пришел в 1967-м, через год после появления «Кабачка», и сразу же получил предложение занять один из тринадцати стульев. Я сам написал себе вступительный монолог

и придумал имя - Пан Зюзя. Это славное имя появилось из двух источников. Во-первых, в моем родном сине-зеленом Таганроге в юности я дружил с представителем прекрасного народа - ассирийцами, а самое актуальное сейчас слово «деньги» - по-ассирийски «зузи». Ну, а во-вторых... Думаю, вы понимаете: во все времена нашему народу слово «зюзя» говорило о многом.

- Что вспоминается в связи с твоим первым появлением в «Кабачке»?

- Моя жена Любаня, когда была мною недовольна, всегда грустно говорила:

- Ничего не поделаешь - из хама пана не сделаешь!

И вот вся семья у телевизора. На экране появляюсь я, ведущий объявляет:

- Пан Зюзя! Родился талантливым человеком, но в роддоме его подменили.

Я кричу:

- Смотри, Любаня, и хам, и пан!

«Кабачок «13 стульев» шел с 1966 по 1980 год. У нас была своя команда, в которой не всякий мог быть. В «Кабачок» приходили прекрасные актеры, но не задерживались, потому что у нас создалась своя, присущая только нам аура. При этом начальство - ни театральное, ни телевизионное - нас не любило.

- Почему?

- Руководство Театра сатиры понимало, что благодаря «Кабачку» мы приобретаем всесоюзную известность и станем независимыми и самодостаточными. А оно, руководство, это не прощало никому. Телевизионное начальство не любило нас, потому что мы не служили на телевидении и ему не подчинялись.

Вообще, если по правде, нас любил только народ и немножко... супруга Леонида Ильича Брежнева. В этих тисках - между нелюбовью начальства и всенародным обожанием - мы и существовали.

- Популярность «Кабачка» была фантастической. Это правда, что, несмотря на это, одиозный руководитель Гостелерадио Сергей Лапин искал повод, чтоб передачу закрыть?

- Лапин очень старался. Как-то под Новый год он даже публично объявил,

что новогоднего «Кабачка» не будет и вообще «Кабачка» больше не будет. Но на приеме в Кремле к нему подошел Брежнев:

- Слушай, Лапин, тут моя супруга спрашивает, когда будет «Кабачок»?

Лапин тут же нашелся:

- 3 января.

И нас, всех артистов, экстренно вызвали с гастролей, с отдыха - оттуда, откуда достать нельзя. В результате 3 января «Кабачок» вышел в эфир. Но в 1980-м уже и Леонид Ильич не помог - передаче прикрыли. Причем - тихо и тайно.

- После этого в народе ходила шутка про три вечных русских вопроса: «Кто виноват?», «Что делать?» и «Куда подевался «Кабачок «13 стульев»?»

- Кстати, кто его закрыл, неизвестно до сих пор. Родина или не знает, или не выдает своих «героев». Жаль... Ведь я хорошо представляю себе «Кабачок 13 стульев» сегодня, в 21 веке. Вижу пана Директора с орденовыми колодками в качестве швейцара, пана Гималайского в шоу-бизнесе, моего пана Зюзя, теперь ставшего автором нескончаемого «мыльного» сериала «Зайцы тоже скачут!», сыновей пана Спортсмена в рэжете... Вижу и пана Политика, и пана Пенсионера, и пана Мента, если хотите, и пана Студента, и пана Олигарха, и пана Бомжа, и пана из Администрации, и пана, члена чего-то, и пана Офицера, и пана Солдата... Передача про сегодняшний день, и у каждого героя своя личная тема. А на самом деле - общая. Такой передачи сегодня нет на наших экранах!

- Ты был дружен со многими корифеями Театра сатиры - с Папановым, Мироновым, Пельтцер...

- С Анатолием Папановым я познакомился на съемках фильма «Живые и мертвые» в 1962 году. Его генерал Серпилин и мой Мишка-фотокорреспондент встречаются в первые дни войны на позициях, с которых комбриг Серпилин ведет бои в окружении.

- 39 немецких танков уничтожено! - с гордостью говорит Серпилин.

- 39? - восторженно переспрашивает Мишка.

Не знаю, как мы это говорили, но, клянусь, не нарочно говорили так, что вся съемочная группа во главе с режиссером Александром Борисовичем Столпером покатывалась со смеху.

Столпер сокрушался:

- Черт меня дернул утвердить на трагические роли двух клоунов.

Начиная с боксера в «Дамокловом мече», каждая роль Папанова в Театре сатиры входила в «золотой фонд». Я играл с ним «Ревизора» несчетное число спектаклей, - и каждый раз, когда Горюничий-Папанов говорил мне - Почтмейстеру: «Я вас в Сибирь законопачу!», натуральный холод распространялся по моей спине.

Папанов мог всё. Он валил залы от хохота в комедиях и заставлял плакать в драмах. Но более всего меня поражала в Папанове его деликатность. В театре он был на равных со всеми, до преувеличения скромнен. Толя не терпел одного: наглости и амикошества.

В 1968 году Марк Захаров снял телевизионный фильм «Швейк на Второй мировой войне» по Брехту. Я сыграл в нем Швейка, Анатолий Дмитриевич - Гитлера. Весь цвет Театра сатиры был занят в этой работе. Забегая вперед, скажу, что зритель этого фильма так и не увидел - он до сих пор лежит на полке. По легенде, комиссия Гостелерадио принимала фильм в день, когда советские танки вошли в Прагу...

На съемках «Швейка» мы с Анатолием Дмитриевичем гримировались в одной комнате. И вот однажды, когда мы были уже почти загримированы, прибежал помреж и сказал, что нас хочет видеть близкий друг самого Леонида Ильича Брежнева. В гримрубочную без стука вошел такой днепропетровский «шмок» с фотографией, на которой Брежнев сидел, а «шмок» стоял, положив ему руку на плечо. «Шмок» с порога закричал:

- Ну и проститутка же ты, Папанов! Вечера - комбриг Серпилин, а сегодня - Гитлер!

Калейдоскоп в глазах Папанова перевернулся, и он тихо спросил:

- А с Брежневым Леонидом Ильичом вы тоже на «ты»?

В фильме «Парк советского периода»

С женой Любовью Ефимовной

С внучкой Соней

- А как ты думал, мы с ним ведра водки выпили.

- Но со мной вы не пили.

- Не пил и не буду, потому что ты - проститутка.

В следующее мгновение «шмок» получил ногой под зад и головой вылетел в дверь. Фотография Брежнева осталась на столе... Минут через пять в дверь тихо постучались, вошел «шмок», взял фотографию и сказал:

- Дурак ты, Папанов, шуток не понимаешь. Толя грозно ответил:

- Не понимаю, и никогда не пойму!

«Шмока» как ветром сдуло.

Помню еще один случай, связанный с Толей. В начале 1970-х Театр сатиры должен был ехать на гастроли в Италию. В 10:00 все, кто прошел «чистки», анкеты, собрались в фойе театра при полном параде для того, чтобы отправиться в МИД на окончательный инструктаж. Среди артистов были два «сопровождающих» - Шурик и Алик в нейлоновых белых рубашках и черных галстучках с люрексом. Кураторы из КГБ. В 10:25 в фойе появляется Анатолий Дмитриевич в ковбойке и в надвинутом на глаза кепи. Он приехал прямо с поезда «Красная стрела», где всю ночь «генерал Серпилин» выпивал с маршалом Еременко. Все застыли. В мертвой тишине раздался тонкий голосок одного из «сопровождающих»:

- Анатолий Дмитриевич, вы сегодня не в форме.

Папанов подходит, берет его за черный галстучек и твердо выговаривает:

- Но ведь и ты же, Шурик, в штатском!

Летом 1987 года Театр сатиры гастролировал в Вильносе и в Риге. Папанов в свободные дни ездил в Москву на съемки фильма «Холодное лето 53-го». Когда он не вернулся к назначенному спектаклю, и спектакль пришлось отменить, зная Толин характер, я сказал:

- Значит, он умер.

К сожалению, это оказалось правдой.

- Через десять дней не стало и Андрея Миронова. Твой уход из театра как-то с этим связан?

- Это так. После их ухода уже ничто в театре меня не удерживало.

- А Пельтцер? Ты же ее любил.

- Мы все любили Татьяну Ивановну. За глаза ее ласково звали «старухой». Эта «старуха» давала сто очков вперед нам, тогда молодым... Я многие годы играл с ней в «Женитьбе Фигаро». Я - Бартоло, она - Марселина. Дуэт был первостатейный. У нее был свой секрет вечной молодости...

- Какой?

- Татьяна Ивановна любила выпить, играла в карты, курила. У нее был колоссальный юмор. 1970-е годы, Польша... Мы ездим по гарнизонам и обслуживаем наши войска из Западной группы войск. Поздно ночью автобус прибыл в Свиноустье. Нас встречает молодой капитан с фонариком. Первым из автобуса выходит Анатолий Папанов. Капитан направляет на него фонарик:

- Ешь твою мать... Волк!

За ним выхожу я. У него глаза на лоб:

- Ешь твою мать... Пан Зюзя!

За мной выходит Татьяна Ивановна Пельтцер. Совершенно обалдевший капитан криком кричит:

- Ой! Мать вашу всех!!! Кого я вижу?! Бабушка Пизднер!

Помню, «старуха» открыла рот (а она была завзятой матерщинницей), - и капитана потом еле откачали нашатырным спиртом.

Когда Пельтцер было уже за семьдесят, главный режиссер театра позволил себе в обычной для него оскорбительной манере на репетиции сделать ей грубое замечание. Она подошла к рампе, выдержала паузу и бросила ему в зал:

- Мудак! Старый и бессовестный!

После этого она с гордо поднятой головой покинула Московский академический Театр сатиры навсегда.

- Аркадий Арканов тебе посвятил эпиграмму:

Какая песня без баяна?

Какой ботинок без шнурка?

Какая Марья без Ивана?

Какой Пан Зюзя без Люлька?

А какой Зиновий Высоковский вне своих образов - в быту?

- Разный - смотря по обстоятельствам.

У меня эпиграф к недавно изданной автобиографической книге «Жизнь моя - анекдот» такой: «Плач перед Богом, смейся перед людьми».

Он полностью подходит к моей жизни.

- Из-за твоих персонажей ты сам в трагикомические ситуации попадаешь?

- Еще какие! В те годы «монологи Люлька» (о том, как подвыпивший интеллигент, заикаясь, звонит из «тимирязевского» вытрезителя своей жене Люле) были чрезвычайно популярны, их даже дети в детсадах цитировали наизусть. И еще, если ты помнишь, раньше огромное значение придавалось письмам трудящихся. И вот однажды на Гостелерадио пришло письмо, автор которого категорически потребовал запретить выступления артиста Высоковского Зиновия по телевидению и «отдать его под товарищеский суд», мотивируя тем, что «он в своих многочисленных выступлениях беспощадно издевается над заиками». Далее в письме следовало:

«Мы, заики, - неотъемлемая часть советского народа, мы тоже приносим пользу обществу».

Письмо переадресовали в Театр сатиры, и я вынужден был ответить обиженному трудящемуся, сославшись на свое волнение перед выступлениями, которое выражалось в непреднамеренном заикании. Вскоре на имя председателя Гостелерадио снова пришло письмо от того же товарища, в котором он писал, что теперь, убедившись, что Высоковский - заика, он «не возражает против его выступлений». А так - не ровен час - запретили бы «Люлька» к чертовой бабушке! И тогда бы он в космос не полетел.

- А что - летал?

- Мой монолог многие космонавты брали с собой в полет. Петр Климук даже как-то выдал моей дочери соответствующую расписку:

«Кате с пожеланиями успехов в учебе. Мы, космонавты, очень благодарны вашему папе за то, что в течение 63-х суток переносили вместе с Люльком полет».

С первыми космонавтами я очень дружил. Они «завязывали» с Люльком в космосе и «развязывали» со мной на Земле.

Памятник на могиле пана Зюзи на Ваганьковском кладбище

